

В. БУШИН

Шаг и поступь

Маяковский говорил: «Время — вещь необычайно длинная...».

Один год — один небольшой шаг в необычайно длинном времени.

Лишь один такой шаг мы сделали с той поры, как произошло знаменательное событие — декабрьско-мартовские встречи руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства.

Но «истинного художника радует каждый шаг вперед», — говорит армянский писатель Гурген Маари. — А в этом году такой шаг сделала вся наша многонациональная советская литература».

Ему вторит русский художник Георгий Нисский: «Для меня год этот, как и для многих моих товарищ по искусству, был полон напряженного труда — интересного и плодотворного, был годом, прошедшим под знаком встреч руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией, под знаком июньского Пленума ЦК КПСС».

Украинский писатель Натан Рыбак пишет: «Этот год был для нас, советских литераторов, примечателен углубленным процессом творческих исканий. И мне хочется отметить многообразие этих исканий...».

Несмотря на все трудности, год минувший был добрым. Таким я ощущал его повседневно. Он был полон внимания к нашей литературе. Забота и доверие партии и народа окрыляли советских писателей».

Вадим Кожевников свидетельствует: «Именно нынешний год дал нам ряд произведений, которые могли появиться именно в наши, и прежде всего в наши, дни. Они — отражение в литературе той

огромной работы в области общественно-политической и этической, которую проделали партия, весь народ в последнее десятилетие».

Владимир Ермилов размышляет: «Мне думается, один из главных положительных итогов года заключается в том, что принцип партийности искусства, нашедший глубокое обоснование и разъяснение во время декабрьской и мартовской встреч, предстал перед нами одновременно и в ленинской острой принципиальности ко всему чуждому, и вместе с тем в мудрой ленинской широте, внимании и доброжелательности к творческой личности художника, к неповторимости индивидуального стиля, особенного видения мира...».

Эту перекличку согласных, дополняющих друг друга голосов можно было бы продолжать. Но вместо этого мне хочется обратить внимание читателей на один из живых и конкретных участков нашей литературы — на творчество молодых поэтов, ставших известными читателю в большей или меньшей мере незадолго до декабрьско-мартовских встреч либо вскоре после них. Мне кажется, оно дает возможность убедиться в том, какая интересная, способная, творчески здоровая поэтическая смена поднимается ныне у нас и как необходимы были для ее нормального роста и развития памятные встречи.

Обращаясь к творчеству поэтов, совсем недавно вступивших в литературу, трудно пройти мимо вопроса, о котором сказано было уже немало, мимо все той же проблемы «отцов и детей».

Наши идейные противники за рубежом, как и год назад, продолжают рассуждать о мнимом конфликте «отцов и детей» в советском обществе. Это одна из излюбленных тем антисоветской и антикоммунистической пропаганды. «Враги социализма рассчитывали, — говорил на июньском Пленуме ЦК КПСС тов. Ильинцев, — что им удастся разжечь вражду поколений, подсунуть гнилую троцкистскую идею «о моральном износе» старшего поколения и «благотворной новой волне», набросить тень на кадры, прошедшие большую жизненную школу борьбы за коммунизм».

Проблема поколений, конечно, не может быть главной проблемой общества, она всегда носит подчиненный характер. Главное — взаимоотношения классов.

Однако в той или иной стране, в конкретной исторической обстановке проблема поколений может приобрести определенную остроту.

В специальном послании конгрессу о положении молодежи ныне покойный президент США Д. Кеннеди признавал: «Отсутствие достаточных возможностей в области здравоохранения, образования и культуры находит отражение в статистических данных, показывающих, что в нашей стране все еще имеется 5 миллионов умственно отсталых людей, а 43 процента наших новобранцев признаются негодными». Его преемник Линдон Джонсон, обеспокоенный ростом процента забракованных новобранцев с 43 до 49,8 процента, заявляет: «Главная причина того, почему эти молодые люди не отвечают требованиям в отношении физического и умственного развития, — нищета». Такие высказывания не что иное, как свидетельство реальной основы для конфликта поколений как конфликта классов.

Когда мы узнаем об огромных цифрах безработицы среди американской молодежи, о ее социальной обездоленности, то мы узнаем еще об одном обстоятельстве, способствующем возникновению и развитию того же конфликта поколений, конфликта молодежи с буржуазным обществом: Невольно приходят на память слова Д. Кеннеди, что положение американской молодежи «создает одну из самых чреватых взрывом социальных и экономических проблем, стоящих перед нашей страной...». Эта проблема стоит не только перед США, но и перед всем капиталистическим миром.

И ничего нет удивительного, что этот реальный, жизненный конфликт врывается в произведения ряда зарубежных художников.

В современной советской действительности, в обстановке классового содружества и социального равенства, нет и не может быть ничего, хотя бы отдаленно похожего на ту общественную ситуацию, на те условия, которые мы видим сейчас в буржуазном обществе. И потому нельзя не изумляться тем нашим литераторам, которые, давая возможность зарубежным болтунам валить с большой головы на здоровую, твердили о конфликте поколений в нашем обществе.

Выдумки об этом конфликте были убедительно опровергнуты в многочисленных выступлениях на состоявшейся год назад встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, а последующие события дали много новых доказательств искусственности и даже абсурдности выдвижения такой проблемы.

Сильным ударом по этим неверным взглядам явилось и четвертое Всесоюзное совещание молодых писателей. Если сам созыв совещания и участие в его работе писателей старшего поколения были доказательством заботы и внимания «отцов» к «детям», то и «дети» не оказались в долгу. Это нашло свое выражение, например, в ответах участников совещания на анкету «Литературной газеты». Молодые литераторы называют имена писателей, которых они считают своими учителями, чье творчество и гражданский облик служит для них высоким примером и образцом. Это имена зачинателей советской литературы и больших писателей-мастеров, которые плодотворно трудятся и поныне.

Но, разумеется, дело не только в анкетах и декларациях.

Тема преемственности поколений, продолжения славных революционных традиций занимает большое место в творчестве молодых литераторов. Один из них, Олег Дмитриев, в стихотворении «Под огнем» рассказывает, как однажды, листая старый комплект журнала, был потрясен короткими сообщениями о расправах кулаков над селькорами.

Бережно сжал я старый журнал,
Черный разглядил лист...
Это — как памятник тем, кто пал
в боях за социализм.
Это от грозных, суровых лет
Нам предъявленный счет...

Под впечатлением этих мыслей поэт обращается к своим сверстникам-литераторам:

Если бояньясь ты острых тем,
Знай, ты у павших в долгуб...
...Если ты меряешь все рублем
И все же собою горд,—
Открыт «Журналист»,
Двадцать пятый год.
Прочти раздел «Под огнем».

Студент Московского энергетического института Феликс Чуев, который выпустил первый сборник стихов, автобиографически озаглавленный «Год рождения сорок первый», к той же теме взаимоотношения поколений обратился в большом цикле стихотворений «Батя». В сущности, это сюжетная автобиографическая поэма. Молодой поэт рассказывает о своем отце — летчике, провоевавшем всю Отечественную войну и вскоре после нее умершем, как умирали и умирают многие от ран, от болезней, от тягот, перенесенных в те годы. «Когда мне трудно, — пишет поэт, — я разговариваю с ним, — с его портретом, с его летной книжкой. И он отвечает мне, этот человек, ибо не все мертвые мертвы».

Я знаю, батя, — и пускай не скоро —
Ты полетишь инструктором со мной!
Мне б оттолкнуться...
Я ищу опору...

Право же, трудно найти среди нынешних молодых поэтов хоть одного, у кого не было бы строк, выполненных признательности, благодарности, любви к отцам, строк, в которых утверждается идея непросторжимой дружественной связи поколений в советском обществе.

Эта идея вдохновила и молодого бурятского поэта Николая Дамдинова на создание поэмы «Имя отца». В ней есть такие строки:

...Будем помнить имена отцов,
Они наследство великое оставили,
и умножать наследство — это их наказ.
Они нас на ноги правильно поставили
и в поезд правильный усадили нас.

Поэму «Дорога зовет» («О времени моем и об отце») написал сверстник Дамдинова — киргизский поэт Абдыкаль Молдокматов. Он горячо призывает молодых современников «завершать отцов родное дело — бессмертное наследие отцов!».

Убежденно, бескомпромиссно звучит и голос молодого русского поэта Владимира Кострова: «Мой товарищ, ровесник, душой не криви — мы с тобой поднялись на отцовской крови!»

Ему как бы вторит донецкий поэт Владимир Демидов в своей «Балладе об отце».

Имен и цитат можно привести много. Но, по-моему, и без того ясно, почему ни год назад, ни сейчас, ни завтра не оправдались и не могут оправдаться надежды наших недругов на «бунт молодых», на «восстание против социалистического реализма».

Это мы видим и в других чертах, общих для творческого облика новейшего поколения наших поэтов.

Правда, иногда встречаются в стихах промахи и ошибки, особенно при попытках осмысливать тему в историческом аспекте. В этом сказывается слабость исторического мышления некоторой части нашей молодежи.

Однако эта слабость свойственна далеко не всем молодым поэтам. Скажем, Игорь Волгин отчетливо видит и хорошо умеет выразить в своих произведениях историческую связь прошлого и настоящего в судьбе своей Родины. Как емки хотя бы вот эти строки:

О реактивный свист полета,
Как тройка мчащейся Руси,
Когда ее саней полозья
Вдруг превращаются в шасси!

Или вот, к примеру, отличное философско-публицистическое стихотворение Волгина «Горит Ян Гус», в котором раскрывается совсем иная историческая связь прошлого и настоящего, на этот раз — драматическая. Поэт вспомнил, как, согласно свидетельству историков, во время сожжения Гуса некая старуха подбросила в костер хворосту. Она сделала это не по жестокости своей, а как бы по привычке: раз костер горит, он должен гореть ярко. Говорят, что, заметив жест старухи, Ян Гус воскликнул: «О святая простота!» Эта старуха — олицетворение темной, неразвитой, косной части народа, той его части, которую реакционеры всегда умеют использовать в своих целях. Больше того, лишь благодаря этой части народа реакционеры существуют и творят свои черные дела. Из далекого прошлого поэт протягивает нить в современность:

...Пламя, обнимая города,
От той вязанки маленькой взметнулось.
Горит рейхстаг.

Святая простота.
Как горяко ты Европе обернулася!
Мы стали не наивны. Не прости.
Но иногда вдруг чувствую я глухо:
Горит Ян Гус.
Чадят еще костры.
Жива еще та самая старуха.

Тема истории здесь выступает как тема борьбы за настоящее и будущее. Поэт обращается к ней, чтобы воззвать к социальной бдительности современника. Ведь в трудовых низах капиталистических стран наряду с прогрессивной, революционной силой есть и сила темная, инертная, слепая.

Говоря о чувстве историзма в творчестве молодых, нельзя обойти молчанием казахского поэта Олжаса Сулейменова. Николай Тихонов так писал о Сулейменове и его книге «Солнечные ночи»: «Если иным молодым поэтам действительно не хватает масштаба, то в этой книге раздвинуты границы. Перед вами проходят поэтические картины, видения далекой азиатской древности, выхваченные как бы из легенды веков, и картины самой острой современности, включая парижские улицы и просторы далекой заокеанской Алабамы. И все это в самом энергичном развитии действия, ошеломляя контрастами, драматическими сценами, избытком темперамента, горячего чувства, сменой гнева и нежности, седого эпоса и романтической лирики.

Поэтический рассказ о былом и сегодняшнем, укрепляя голос и дух поэта, дает своеобразный сплав новых ощущений. Из пламени такого поэтического костра рождается характер нового человека, нашего современника, дышащего всей мощью нашего индустриального, богатого чудесами атомного века».

Сулейменову впрямь свойственно умение мыслить широко, охватывать взглядом движение народов, исторические судьбы России и Востока. Любопытно, что у критика А. Урбана стихи Сулейменова вызвали ассоциации со «Словом о полку Игореве», а у Е. Книпович — со стихами Блока «На поле Куликовом». «Почему нашим поэтам, делая шаг вперед, не оглянуться назад, на свою собственную историю, почему не посмотреть, что они имеют за плечами?» Именно так, по мнению Тихонова, поступил Сулейменов.

Невнимательному глазу может показаться, что молодой поэт не выходит за пределы узкоказахского материала, так как много говорят о своих предках-кочевниках, о их конях, саблях, стрелах и т. п. Однако все это переплавлено «во внутреннем горниле» поэта. И в результате — перед нами советский казахский

поэт большого международного звучания.

Вот, скажем, стихотворение «Аргамак»:

Эй! Необъятный край,
Ты аргамаками славен.
Вот табуны пролетают
В ливнях степной травы.
Дай
Вороного коня,
Что с ветром в степи играет.
Я поскакчу
До края,
Горы и степь наюрена.
Ветер раздует пламя
В легкой крови аргамака,
Черные маки вспыхнут
В его молодых глазах.
Пусть аргамак узнаст,
Что такое атака,
Есть дороги вперед,
Нет дороги назад...

Да, здесь все казахское, степное. Но разве не родственны любому из советских народов оптимизм, напористость, непримиримая наступательность этих строк!

В творчестве молодых патриотическая тема находит и иное — на мой взгляд, совершенно правомерное — воплощение. Тема решается главным образом через показ современности, сегодняшнего бытия страны, через утверждение чувства личной ответственности молодого поколения за ее судьбу. Здесь тема патриотизма смыкается с темой труда.

Тот же Олег Дмитриев в стихотворении «Наша география» пишет:

Я люблю поездки и походы,
Жить люблю от дома далеко,
Только все, что видишь мимоходом,
В общем забывается легко.

Поэт видел родную страну не мимоходом. Он валился с ног от усталости на виноградниках Анапы, в тайге под лождем тянул кабель, на целине убирал урожай. И вот его вывод:

Древний Киев, Ленинград и Сочи,
Пусть вы несказанно хороши —
Только там, где ты прожил рабочим,
Оставляешь чуточку души!

Так рождается чувство хозяина родной земли.

Не желает быть туристом в родной стране, туристом в жизни и поэт-геолог Владимир Павлинов:

По фотокарточкам для нас
Всегда свежа любая дата.
Но я Саяны и Кавказ
Прощел без фотоаппарата...

Хранит разбитая рука
Рубцы — остатки давней боли,
Да ноют старые мозоли
От рукоятки молотка.

Через давнюю боль, утверждает поэт, через трудовые мозоли приходит к человеку осознанная любовь к Родине.

О том же говорит первый поэт-нивх Владимир Санги. Свое стихотворение «Рыбак», в котором даны картины суровой природы родного Сахалина и тяжелой работы рыбака, поэт заканчивает так:

Скажут тебе: есть места потеплей,
Можно работу сменить.
Станешь зато упрямый и злой
Профути в море долбить.

Процесс труда молодым поэтам нередко удается описать очень живо, поэтично, со знанием дела. Это относится и к упомянутому стихотворению В. Санги, и к стихотворению Владимира Пальчикова «Погрузка сена — тонкая работа...», и ко многим стихам других авторов.

Герои стихов М. Румянцевой — рыбаки, мелиораторы, доярки... Она пишет о них с любовью, с неподдельным восторгом.

Может, в море вода соленая
Потому, что от всех веков
Выбивало и собрало оно
Крепкосоленый пот
рыбаков.

Для Румянцевой и сама поэзия, как видно по стихотворению «Грузчица», — это прежде всего труд. Она не боится поставить ее рядом с любым трудовым свершением, лишь бы оно было нужным для общего блага. Примечательно, что, даже прибегая к такому специальному художественному приему, как поэтический антропоморфизм, М. Румянцева уподобляет в своих стихах явления природы не человеку вообще, а именно человеку труда, порой даже совершенно конкретной профессии.

Интересно в этом смысле сравнить стихотворения Д. Злобиной и М. Румянцевой, одинаково озаглавленные, — «Гроза».

У Д. Злобиной в картине грозы перед нами предстают извечные мужское и женское начала:

Неторопливо тучи разпребая,
Прогрохотал над лесом первый гром.
По-женски вздрогнув,
солнечно рябая,
Земля плескучим мылась
серебром.
В ее тепле
проклевывались зерна,
Просили солнца клювика-ростки...
А ливень
бил по косогорам черным.
И был неутомим он
по-мужски...

У Румянцевой — иное видение мира и иное художественное решение темы. Она

и образ грозы изображает как процесс труда:

Прячки в небе полоскают,
Прячки тучи выжимают.
Да катают их над кручей
Скалками
гречумчими.
Утюгами-молниями
Глядят тучи мокрые.
...Прячки смолкли вдруг устало.
Сразу небе тихо стало.
Чья-то легкая рука
Собирает облака.
Да над полем долго прузит
В белоснежный крепкий узел...

Рядом с освященной многовековой традицией метафорой у Злобиной такое уподобление может показаться слишком прозаичным. Однако, думается, и в метафоре Румянцевой есть своя поэзия, своя художественная правда.

В лучших своих стихах молодые поэты стремятся показывать людей труда во всем богатстве и сложности их внутреннего мира.

Дина Злобина в стихах о заводе и его людях показывает, что ее товарищи по работе озабочены не только выполнением плана. Поэтесса видит, что цех завода не только рабочее место. Это родной дом, в котором люди переживают и высокую радость и сердечные беды.

В стихотворении, которое так и озаглавлено «В цехе», со сдержанностью и мужеством рабочего человека рассказано о драме неразделенной любви. В стихотворении «Шутка» перед нами тот же цех, те же люди. Но на этот раз рисуется картина весенней радости, счастливого чувства. В нем рассказывается, как молодой токарь,

Смущая девушку до слез
И сам
Смущаясь от этой
милой шутки,
Ей стружку голубую преподнес,
Сказал:
«За неименьем незабудки».

Для иных литераторов такие герои — рядовые люди заводов и пашен — неинтересны, непривлекательны. Но для поэтов, о которых идет речь, это родные люди. Среди них они выросли, все их беды и радости им ведомы.

Любовью к людям, восхищением современниками, верой в них полна вся наша молодая поэзия. Владимир Павлинов в стихотворении «Сопромат» вспоминает, что когда-то его учили: ничего нет прочнее камня и металла. Эти сведения студенческих лет он сравнивает с живыми впечатлениями своего опыта геолога:

Но в солонцах, горящих, как костры,
Где миражи двусмыслены и лживы.
Железо умирало от жары.

И только люди оставались живы.
Брели смерчи по каменным валам,
И лихорадка скручивала жилы,
Раскальзывались скалы пополам,
А люди снова оставались живы!
Они сильнее каменных громад
Сердцами — ярой большевистской
Плавки...

И я хочу внести свою поправку
В суровую науку сопромату.

На эти мужественные, насыщенные суровым пафосом в духе раннего Тихонова строки совсем непохоже, например, одно из лучших стихотворений Владимира Кострова, «Первый снег», но суть здесь та же — вера в людей, в их возможности, в силу и добро их души.

Надо мной кружится
первый снег.
На землю ложится
первый снег...
...Пишут все —
Печатают не всех.
Иногда печатают
не тех!..
Пишут про зеленые глаза
или про рюкзачные волненья.
Образы строят,
как образы,
по углам в иных стихотвореньях.
Только есть стихи,
как первый снег!
Чистые, как белый первый снег!
Есть они у этих
и у тех,
ненаписанные — есть у всех!

Поэты восхищаются своим современником, хотят быть к нему близкими, быть ему нужными, необходимыми. Отчужденность от современника, неумение понять его — по каким бы причинам оно ни возникало — воспринимается молодыми поэтами очень драматически, как большое горе. Так, В. Павлинов, расставшись со студенческой скамьей и столкнувшись с настоящей жизнью, с жизнью людей труда, убедился в том, что надо внести поправку не только в сопромат, но и во многое другое. Он пишет об этом с горечью и болью:

Вот люди! Я прежде таких не встречал,
Я их по учебникам не изучал.
Я высшее образование имею.
И только с людьми говорить не умею.
Раскрою любой философский вопрос,
А вот до людей я еще не дорос!

Зато какой гордостью и радостью наполняется сердце поэта, когда он видит, что его слово нужно людям, помогает им жить! Дм. Сухарев в стихотворении «Кукушка» выразил эту, близкую многим поэтам мысль так:

Во всем удача вышла,
Проснусь — и счастлив я:
Сосед поет чусть слышно,
А песня-то моя!
Чтоб дед не задыхался
От палочки дрянной,
Несут ему лекарство,
Задуманное мной.
Бегут ко мне детишки —
Я сказку им сложил...

Кукуй, кукуй, кукушка,
Чтоб я подольше жил!

Дина Злобина свою гражданскую обязанность видит в том, чтобы участвовать во всех радостях и бедах, трудах и стремлениях современника, вдохновляя его и поддерживая своей сердечной песней. Высшая награда и оправдание всех творческих мук для поэтессы — стать нужной «обыкновенным людям», это —

...знать и ждать средь бурь и непогод,
Что день придет
и песнь мою простую
Над колыбелью женщина споет.

Из любви к труду, из глубокого уважения к людям-труженикам естественно рождается ненависть к тунеядцам, ко всем, кто так или иначе оскорбляет само слово и понятие «труд». Ненависть к мещанству во всех его видах, особенно же к мещанству интеллигентскому, в частности, литературному, — характернейшая черта новейшей молодой поэзии. Олжас Сулейменов гневно говорит своему литературному собрату из числа тех, которые хотят «просто жить», избегая сложностей и душевных гроз, хотят писать только «о девичьих плечах, о косях»:

Как расскажешь ты внукам своим
О трудной дороге отцов,
Сладким вином заменишь
Горькую кровь бойцов?
Что ты расскажешь внукам
О наших яростных днях?
То, что цветы утрами,
И мох на узорных днях?
А что юность ее топтали
Копыта чужих коней?
А что алым горели дали
По вечерам над ней?
А что мы исходили потом,
Рубая такыр степей?
А что нам совсем неохота
Грустить возле старых пней?

Напряженный спор с мещанами, с людьми душевно инертными, умственно ленивыми, эмоционально глухими ведут почти все молодые поэты.

Нередко спор с такими людьми в молодой поэзии переходит в спор за этих людей, за их духовное прозрение. И это закономерно. Ибо ведь это очень наивно, когда у нас о плохих людях часто говорят: «Мы таких в коммунизм не возьмем!» А куда же, спрашивается, мы их денем? Отправим на Марс? Нет, в коммунизм придут и те люди, которые сейчас ограничены, неразвиты, духовно бедны, но только они должны быть нами перевоспитаны.

Ясное понимание этого, четкое осознание необходимости борьбы с «недалеки-

ми людьми» за них самих мы видим в трогательном стихотворении Татьяны Богдановой, студентки физического факультета Новосибирского университета:

Я могу попасть на Луну хоть сейчас:
Пробегу по дорожке, по лунным лучам,
Заберусь на сосну,
Поднимусь по сосне,
Подпрыгну вверх —
И я на Луне.
Почему я еще незнакома с Луной?
Мне не хочется делать все это одной.
А он не умеет ходить по лулу,
Подождите,
Пока я его научу.

Так же по-женски мягко, даже как будто наивно пишет об этом в коллективном сборнике «Молодость», изданном в Кирове к четвертому Всесоюзному совещанию молодых писателей, инженер Тамара Nikolaeva. Поэтесса обращается к любимому:

А ты будешь мне помогать мыть пол,
Босиком, засучив по колено брюки?
И не будешь ругать,
Если письменный стол,
Этот храм неприступный твоей науки,
Я засыплю цветами?..

Ну, а если мне на пути попадется
То, с чем нужно, обязательно нужно
бороться,
Ты не будешь ворчать: «Наша хата
с краю,
Ничего не поделаешь — такова жизнь»...
Даже если я этот бой проиграю,
Ты не будешь настаивать: «Покорись»?..

В этом стихотворении особенно удачно единство, равная серьезность требований, которые девушка предъявляет и к «чисто человеческим» и к гражданским качествам своего любимого.

Характернейшей чертой молодой поэзии является глубокий оптимизм, радостное, светлое восприятие жизни. Но это качество порой выражается поверхностно. Вот, скажем, стихотворение Владимира Демидова «На всех парусах»:

Мы работаем и покоя
не хотим.
Отдохнем потом.
Нынче время у нас такое:
чуть отстанешь — и за бортом.
На лета не ворчим ночами.
Сердце молодо, зорок взгляд.
Руки крепки, а за плечами
крылья молодости гудят.
В грозовые, орлиные годы
мы идем на всех парусах.
Нам знакома глухая ярость
покоряющихся морей
и взлетающий в небо парус,
не желающий якорей.

Иногда, описывая самую обыкновенную суматошность и суетливость, — качества, отнюдь не достойные похвалы, — молодые поэты полагают, что в них тоже выражается оптимизм, радость жизни. Олег Дмитриев сообщает:

«Мчусь в авто. Плыту на пароходе. Вдаль меня уносят поезда. Тороплюсь...» У Дмитрия Сухарева читаем: «...Может, умели Адам да Ева жить без суматохи, одни. А мне надоело, мне надоело — сутки могу, а больше ни-ни! Только сутки могу без сутолоки, а потом — ни-ни!» И уж совсем пародийно звучит стихотворение Владимира Павлинова «Я спешу»: «Я спешу. Я спешу. Я спешу. Наспех думаю, наспех пишу. Наспех пью, наспех ем, наспех сплю. Наспех ссорюсь и наспех люблю. Я читаю, грущу, веселюсь — и всегда тороплюсь, тороплюсь... Ночь придет — на кровать повалюсь, а проснусь — и опять тороплюсь, на себя из-за этого злюсь, а потом все равно тороплюсь».

Но есть, как мы видели, у молодых поэтов немало стихов, в которых оптимизм не декларируется, а является сутью содержания, интонации, ритма, всей образной системы.

Нельзя не заметить еще одной общей черты: у молодых поэтов много стихов о дороге. Тема дороги, тема странствий и поисков варьируется у них на все лады. У Т. Жирмунской эта тема воплощена в образе поезда; у Олжаса Сулейменова — в образе скакуна, «что с ветром в степи играет»; Абдыкальй Молдокматов заявляет: «Меня дорога светлая зовет!»; «Ни на что не сменяю дорогу!» — задорно восклицает Николай Дамдинов; «Дорога — здравствуй!» — звонко вторит Дина Злобина.

Тема дороги благородна и естественна в творчестве молодых. Но вот что обращает на себя внимание: у Жирмунской поезд «только-только подан», она лишь собирается в путь; скакуну Сулейменова еще предстоит узнать, что «есть дороги вперед, нет дороги назад»; Молдокматов вроде бы еще тоже не чувствует себя в пути, дорога его пока лишь «зовет»; Злобина, поздоровавшись с дорогой, разговаривает с ней опять-таки не о настоящем, а о будущем: «Веди меня по свету, не заплачу, сеши дождями, голодом мори...»

Иными словами, у молодых поэтов настойчиво звучит мысль: пока заняты лишь исходные позиции жизни и творчества. Мысль эта, как правило, высказывается спокойно, уверенно, с твердым убеждением в ее естественности и зако-

номерности. Но вот вопрос: всегда ли она, эта мысль, так уж естественна и закономерна? Поэт Модокматов, достигнув лермонтовского возраста, спокойно констатирует:

Я молод и неопытен пока что...
Я молод и себя еще не знаю...

А порой свидетельства о своей душевной незрелости поэты предъявляют читателям, я бы сказал, с восторгом. Так, одна 26-летняя поэтесса пишет:

Кто-то шепчется там, в потьмах.
Бродят парочки вереницами,
Это счастье, быть может, снится мне
Только в самых секретных снах.
Я гляжу сквозь кленовое кружево,
Прижимая листья к груди,
Невлюбленная, незамужняя...
Это все еще впереди!

Как факт биографии это, разумеется, обсуждению не подлежит. Но ведь перед нами стихи, явление искусства, и об этом явлении мы вправе судить. И нельзя тут не выразить удивления: отчего в этих строках довольство, а не боль, спокойствие, а не сожаление?.. В 26 лет поэт должен знать, что есть любовь и что есть ненависть, что мысль и что труд!

На семинаре, которым руководил Н. С. Тихонов, обсуждались стихи чеченского поэта Магомеда Дикаева. Ему двадцать четыре года. У него нет сборника стихов. «Я еще молодой», — сказал Дикаев.

У нас бытует странное мнение, будто двадцатипяти- и даже тридцатилетние поэты — все еще «молодые», будто такой возраст может быть оправданием тех или иных недостатков, ошибок, промахов.

Между прочим, в том же двадцатилетнем возрасте прощался с молодостью, например, Баратынский в элегии «Весна», Бунин — в стихотворении «Нет, не о том я сожалею...».

Возможно, именно об этом думал Тихонов, когда при обсуждении стихов Дикаева напомнил о славном сыне чеченского народа Асламбеке Шерипове. Услышав это имя, Магомед Дикаев невольно сказал: «Да, Шерипов был удивительный человек. Он был атеист, но люди шли за ним. А ему было всего только двадцать два года».

Это великолепный образец для всей нашей молодежи, в частности и для поэтической. И таких вдохновляющих примеров в нашей истории, в нашей ре-

волюции, в искусстве множество. Молодость — это не оправдание слабости и ошибок, молодость — пора великолепных творческих возможностей. Это подтвердили не только Пушкин, но и Маяковский, не только Лермонтов, но и Гайдар, в шестнадцать лет командовавший полком, а в двадцать ставший профессиональным писателем.

Но благо, что далеко не все двадцатипяти — тридцатилетние поэты с восторгом и умилением восклицают: «Все еще впереди!». Николай Дамдинов с горечью и болью, с досадой и сожалением, с высоким чувством осознанной ответственности пишет:

В четырнадцать лет не командовал я полком —
И в двадцать пять меня молодым считали.
И я дорогу оглядываю свою,
И там, где прошедших лет отшумели воды,
Глядят на меня в упор двадцатью семью Зелеными пальмами лермонтовские годы.
А там, за гранью тридцатой моей весны, где даль моя завтрашняя только что заалась, я вижу уже: стоят тридцать три сосны — Банзарова возраст, мудрость его и зрелость...
Вот так до середины жизни добрался я. Мои достиженья, признаться, пока еще слабы. Ты поздно ко мне приходишь, зрелость моя, Ты раньше прийти, моя зрелость, ко мне могла бы...

Конечно, могла бы! И одна из важных причин того, почему это не произошло, — неоправданная ничем привычка считать тридцатилетних литераторов «молодыми».

Одним из наиболее веских свидетельств творческой зрелости, художественного мастерства всегда была социальная глубина творчества. Здесь у молодых поэтов есть как успехи, так и недостатки.

Н. Тихонов справедливо заметил о стихах Д. Злобиной, что в них много берез, облаков, а второго плана — психологического, социального — мы порой не видим. Не видим в иных даже весьма драматических ситуациях. Так, в стихотворении «Им не впервые судить тебя...» поэтесса рассказывает о молодой женщине с тяжелой, неустроенной личной судьбой. Мы видим здесь подлинно сестринское сочувствие, любовь к несчастной женщине, но, несмотря на это, читателю, в сущности, остается неизвестной и непонятной социальная или психологическая основа этой драмы.

Для М. Румянцевой же, наоборот, весьма характерно стремление высветить этот «второй план», желание найти ясную и определенную социальную оценку даже незначительным явлениям жизни.

В стихотворении «В доме — беда!» Румянцева тоже повествует о личной драме, только не одного человека, а двух — мужа и жены. В их доме

Есть все. И нет ничего там.
Нет в доме самого главного:
Смеха,
любви,
детей
и еще чего-то
Утерянного —
давнего, давнего...

Но автор не оставляет нас в неведении относительно причины драмы. Причина в том, что эти люди омешкались, все хорошие чувства вытеснило у них чувство собственности, забота о материальном благополучии.

Поэтесса знает, как уйти от беды. Потому она советует, убеждает, настаивает:

Да бросьте!
Да плюньте в лицо
полированной!
уйдите одни за счастьем ненайденным.
Я не против жизни меблированной.
Я против жизни — обраденной.
Ведь счастье найти —
это в вашей власти.
Ведь двое таких же не спят
до рассвета,
Ведь двое таких же у термоса где-то
обжигают
губы
от счастья...

Социальная зоркость не изменяет молодой поэтессе и в тех ситуациях, где многим людям взор застит слеза умиления и жалости, а сердце обволакивает тина отвлеченной доброты и всеохватывающего «человеколюбия».

Именно такая ситуация запечатлена в стихотворении «Жадность». У булочной стоит нищая. На первый взгляд она тиха и несчастна, жалка и бесприютна. Ну, как ей не подать! Ведь это было бы негуманно... Но зоркие глаза поэтессы замечают: нищая не обращает внимания на вкусный, душистый хлеб, что проносят мимо нее, она смотрит только на деньги и ждет только денег. И поэтесса сурово и уверенно заключает:

Я вижу убогость подделки,
Понять еще в детстве успев:
Голодный не смотрит на деньги,
Голодный
глядит
на хлеб...

Это одно из лучших стихотворений М. Румянцевой. Здесь особенно нагляд-

но проявилась ее способность за фактом, на первый взгляд мелким, разглядеть социальный фон, придать этому факту общественное звучание.

Отличные примеры зоркого и вдумчивого социального подхода к жизни дает творчество Ольги Фокиной. Как-то в журнале «Огонек» было напечатано несколько ее стихотворений. Они привлекли внимание молодого парня Леонида Е., заключенного. Леонид обратился к Фокиной на страницах «Огонька» с письмом, в котором рассказывал о себе, о своей жизни: родился в Москве, окончил школу, поступил в институт, но учиться не стал. «Жизнь давалась легко, спасали две большие звездочки отца. Полюбил легкие деньги, остальное понятно». Леонид просил Фокину дать ему совет, а главное, поддержать в нем надежду, что он неконченый человек.

Сложное переплетение чувств видно в этом письме. Сдается, не был свободен Леонид Е. и от желания разжалобить Фокину своей судьбой и от желания польстить ей. Разве не это слышится, например, в словах: «Сейчас третью весну встречаю в заключении. Как сложится жизнь в дальнейшем, не знаю, хотя верю, что по-иному. Но ведь верить еще мало. Все-таки буду ждать письма от Вас. Один из главных пороков в человеке — равнодушие. У Вас, я думаю, его нет».

Что же ответила Ольга Фокина?

Вначале Ольга напомнила своему корреспонденту о том, что она — женщина:

Я — «слабый пол».
Мы испокон
Слезливы и сентиментальны.
Движение сердца — наш закон,
А сердце — та исповедальня,
Где отпускаются грехи,
Где исправляются пороки...
Мы благородны и тихи,
Мы благодетельны и кротки...

Возможно, прочитав это начало, Леонид Е. мог подумать, что ему удалось таки разжалобить поэтессу. Но он не знал того, что если ему жизнь давалась легко, то Фокиной она давалась совсем иначе; если он шутя окончил школу и шутя поступил в институт, но не пожелал там учиться в надежде на большие звездочки отца, то Фокиной школа давалась трудно и еще трудней — институт, а надеяться ей было не на кого: отец убит на войне; если Леонид Е. не знал, что делать с легкими деньгами, то

она не знала, что такое легкие деньги... И Ольга Фокина продолжала:

Кому-то
Сеять и пахать,
Ковать железо, бить каменья,
Кому-то —
В тундре замерзать
И слепнуть над изобретеньем,
А вам на это —
Наплевать!
А вам известно:
Жизнь — мгновенье!
Бери,
Хватай,
Кради —
И трати!
Гори!
Страй!
И — к черту «тленье»!

Но Леонид Е. просил совета, и потому, выразив свое отношение к нему и к таким, как он, людям, Фокина дает ему единственно возможный совет:

...Вам нужен счастья образец?
Жизнь беспощадна:
Или — или...
Звезда, что носит ваш отец,
И под которой скрохонили,
Как многих,
Моего отца,
Звезда рубинового цвета,
Простая, о пяти концах.
Известная на всю планету.
Создайте сами ту звезду,
Что вы с погон отцовских рвали.
Создайте сами красоту,
Ту, что небрежно растоптали...
...Тогда, я верю,
Мы найдем
Без колебаний
И сомнений
Единство
Языка и мнений,
Тогда — прошу:
Мой дом — ваш дом.

Право, тут только и можно воскликнуть: «Вот вам и «слабый» женский пол!», как воскликнул на Красной площади Никита Сергеевич Хрущев, приветствуя Валентину Терешкову. Вот вам и мягкий женский характер!

К слову сказать, Ольга Фокина ровесница Валентины Терешковой. Да и в судьбах их немало схожего: и родились в деревенской русской «глубинке», и росли без отцов, погибших на фронте, и в жизнь входили трудно...

Восхищаясь подвигом Валентины Терешковой, весь мир ясно увидел, каким достойным, каким мужественным и чистым, гордым и скромным выросло поколение советских людей, вскормленное скупым хлебом военных лет. То поколение, среди которого так много людей, в возрасте пяти-шести лет навсегда простилихся с отцами. Всю силу своей дочерней и сыновней любви они отдали многострадальным матерям. О, как это не случайно, сколь многое за этим вста-

ло, когда на пресс-конференции в ответ на вопрос, кто для нее самый дорогой человек, Валя Терешкова ответила: «Мама».

Некоторые драгоценные черты поколения Терешковой правдиво запечатлены в творчестве поэтов, о которых здесь ведется речь.

Наши недруги за рубежом много говорят о творческом однообразии, о нивелировке советских писателей. Это их любимый «конек». О каком разнообразии может идти речь, рассуждают они, если все советские писатели признают одну и ту же идеологию и один и тот же творческий метод — социалистический реализм!

Это звучит наивной или злонамеренной неправдой по отношению ко всей советской литературе и, в частности, по отношению к ее самому юному поэтическому поколению. Когда мы вглядываемся в живое лицо этого поколения, то видим, что при общности творческого метода, идейных позиций и даже некоторых важных тем творчество молодых поэтов, однако, отмечено чертами отчетливой художественной индивидуальности, интересного поэтического своеобразия. Их не спутаешь друг с другом.

Буйный, темпераментный, очень «серъезный» Олжас Сулейменов, с его склонностью к философским обобщениям, историческим аспектам ничуть не похож на улыбчивого, лиричного, задушевного Дмитрия Сухарева, в стихах которого так много современного быта, точных жизненных подробностей, озорной словесной игры; стихи бурятского поэта Николая Дамдинова политически насыщены, публицистичны, в них отчетливо слышна ораторская интонация Маяковского, а его собрат Абдыкаль Молдокматов больше тяготеет к своим национальным киргизским поэтическим традициям, публицистичность, видимо, не свойственна в такой мере его поэтическому дарованию; мягкий, женственный, «тихий», с искрами доброго юмора стих Тамары Жирмунской всегда отличишь от пафосного, громкого — то тревожного, то восторженного — стиха Майи Румянцевой; бурный, стремительный, крутой характер, встающий со страниц стихов

Ольги Фокиной, так далек от характера застенчивой, скромной лирической героини Дины Злобиной; по-разному пишут Владимир Костров и Владимир Павлинов, Олег Дмитриев и Игорь Волгин...

Этот перечень можно продолжить и дальше, пополняя его именами, до сих пор почти или совсем здесь не упоминавшимися: челябинский крановщик Валентин Сорокин и ростовский слесарь Борис Куликов, красноярский физик Роман Солнцев и ленинградец Вячеслав Кузнецов, Владимир Пальчиков из Омска и Олег Мишин из Петрозаводска, Алексей Пичков из Архангельска и Владимир Суслов из Свердловска, армянин Араманс Саакян и литовец Владас Шимкус, эвенк Алитет Немтушкин и киргизка Мариам Буларкиева, Анатолий Заец и Валентин Сидоров, Алексей Заурих, Инна Кашежева, Леонид Агеев...

Творчество многих из этих авторов также дает серьезный материал для раз-

мышления о чертах новейшей молодой советской поэзии и могло бы быть предметом заинтересованного внимания критиков.

Окидывая взглядом творчество самого молодого пополнения советской поэзии — и тех поэтов, чьи стихи здесь в той или иной мере рассматривались, и тех, кто был лишь упомянут,— несмотря на очевидные и во многом естественные промахи и недостатки этого творчества, испытываешь радость: у нашей поэзии надежное будущее.

Тесная связь с жизнью, патриотизм, отчетливое осознание себя продолжателями великого дела отцов, активная, действенная любовь к труду и к людям труда, понимание своего художнического долга как служения народу и партии, социальная зоркость и исторический оптимизм характеризуют лучшие произведения молодых поэтов.